следования, поскольку представляет им возможность включать в систему доказательств и исключать из данной системы те либо иные фактические данные. Это позволяет преодолеть уже отжившие, закостеневшие элементы процессуальной формы в пользу новых способов и средств собирания, проверки и оценки доказательств.

Таким образом, оценивая результаты несудебной экспертизы в качестве иного документа, орган, ведущий уголовный процесс, должен всегда осознавать, что у такого источника доказательств есть намного больше схожести с результатами судебной экспертизы, чем с документами удостоверительного характера.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е. Н. Бондаренко

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России,
ул. Бориса Галушкина, 4, 129366, Москва, Россия, *naturphilosophy@yandex.ru*

Определяется понятие «лингвистическая экспертиза». Установлено, что в правовом отношении судебная лингвистическая экспертиза обладает статусом, который зависит в некоторых случаях от личного фактора и силы юридической аргументации.

Ключевые слова: судебная экспертиза; лингвистическая экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; эксперт.

Лингвистическая экспертиза выступает одним из видов судебных экспертиз, при этом ее соотносимость с речеведческими экспертизами не является до конца решенной, поскольку автороведческую экспертизу иногда выделяют как исследование сугубо криминалистического характера. Это происходит по причине того, что оно в большей степени связано с «уголовно-правовым преследованием» [3, с. 43]. Однако вопрос классификации лингвистических экспертиз выступает не самым существенным и в научном, и в правовом плане, ибо решение проблемы мало отражается на процессе деятельности привлеченного специалиста и результате его труда.

В то же время ситуация с превышением компетенции лингвиста-эксперта является в некотором отношении если не «рядовой», то достаточно часто встречающейся, что связано, как правило, с языковой самоуверенностью участников судебного производства и желанием некоторых из них разрешить дело в свою пользу [1, с. 106]. Однако стоит отметить, что проблема правового статуса лингвистической экспертизы связывается не только с полномочиями специалиста, образованностью

судьи и следователя, но и с самим положением филологических исследований в правовом поле. Так, если обычно под судебной экспертизой понимается «исследование <...> в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [4, с. 221], то под судебной лингвистической экспертизой подразумевается уже инструмент достижения истины, которая может не являться однозначной [2, с. 54].

Подобный подход нивелирует ценность филологического исследования как доказательственной информации, что приводит к прецедентам, когда результаты лингвистической экспертизы не только подвергаются сомнению, а определяются судом как неверные на основании проведенного альтернативного инициативного исследования. Например, в постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда г. Томска о решении суда первой инстанции в пользу стороны, проводившей инициативное исследование, говорится, что результаты судебной экспертизы не были учтены по причине оценки доказательств судом из своего внутреннего убеждения и на основе принципа состязательности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что допрос эксперта, повторная либо дополнительная судебная экспертиза не были произведены. А сам суд описал судебную экспертизу как ошибочную по сравнению с инициативным исследованием на уровне личной языковой компетенции.

Оценка доказательств по своему внутреннему убеждению является общепринятой и законодательно обусловленной практикой, что само по себе не противоречит ни нормам права, ни научному поиску истины. Однако проблемным выступает вопрос о существовании альтернативных исследований как в сфере судопроизводства, так и в области научного познания. Это упирается, с одной стороны, в юридический принцип о невозможности одновременного существования «двух правд» (права в споре может быть либо одна сторона, либо другая) и, с другой стороны, в научный постулат о «внутренней истине», когда результат исследования выводится из аксиоматизированной теории, логического модуса когерентности знаний [5, с. 79], а значит, единственно существующей на данный момент реальности квалифицируемого факта. Иными словами, в правовом поле с учетом компетентности лингвиста-эксперта не может существовать альтернативных исследований, поскольку так любое доказательство легко опровергнуть, определив выводы специалиста как априори вероятностные. Между тем в сложившейся практике на данный момент вероятностными результатами лингвистической экспертизы считаются такие выводы, которые сам специалист обозначает как предположительные [2, с. 61]. Все это позволяет утверждать, что судебная лингвистическая экспертиза может установить язы-

ковой факт, что подразумевает ситуацию, когда второй версии просто не может быть. И вопрос альтернативности исследования сводится лишь к проблеме уровня образованности судьи, следователя, эксперта и других связанных с процессом лиц. При этом сам статус судебной экспертизы должен в идеале определяться как «истинный», что отчасти исключает вопрос о коррупции в области независимой экспертизы.

Существующее положение вещей усугубляется и тем, что норма определения истины по своему внутреннему убеждению иногда приводит к смешению дискурсов и полномочий. Как, например, в ситуации, когда процессуальные нормы применяют к научной терминологии и речевым клише. Иными словами, буквализируя текст экспертизы, оценивают не методологию исследования и его стиль, а истолковывают научный текст как правовой факт не в плане доказательств, а в плане юридических нарушений, сделанных специалистом. Например, рассмотрение фразы из «Национального корпуса русского языка», в которой упоминалось слово «хасбулатовщина», квалифицировалось как оскорбление, которое может повлечь за собой правовую ответственность одной из сторон дела; описание экспертом вывода, обосновывающееся упоминанием методов исследования («анализ стиля»), интерпретируется как замена вопроса; речевая формулировка «позволяет утверждать» определяется в качестве «словосочетания вне компетенции лингвиста-эксперта», хотя выделенные лексические единицы не только соотносятся с научным дискурсом, но и являются частью грамматической основы.

Таким образом, сегодня судебная лингвистическая экспертиза в правовом отношении обладает статусом, который зависит в некоторых случаях от личностного фактора и силы юридической аргументации, а вовсе не от истинности результатов экспертизы и категоричности ее выводов, их доказательности.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Е. Н. Проблемы лингвистической экспертизы в сфере судопроизводства // Казанская наука. 2014. № 7. С. 105–109.
2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика : монография. М. : Флинта: Наука, 2014. 304 с.
3. Ермолова Е. И. Особенности назначения судебной автороведческой экспертизы // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 1. С. 42–46.
4. Стукалин В. Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для её проведения // Общество и право. 2010. № 1. С. 220–224.
5. Суханов К. Н. Философия научной истины // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 15. С. 79–85.